

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Дарья
Белова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЗАБЕРУ
тебя СЕБЕ

Дарья Белова

Заберу тебя себе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69781627

SelfPub; 2023

Аннотация

Вся жизнь Зои Беляевой перевернулась, когда она познакомилась с Кириллом Леманном. Настырный, упрямый, просто невыносимый. Он из другого мира, и они абсолютно разные. Только можно ли сердцу это объяснить? От автора: продолжение цикла про балерину и гонщика (Мила и Глеб)

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дарья Белова

Заберу тебя себе

Глава 1

Кирилл.

– Ну что, тебя можно поздравить? – раскрываю ладонь, чтобы поприветствовать друга.

Мой друг Глеб Навицкий женился. Снова.

Подхожу к его жене Миле и аккуратно приобнимаю. Спи-ну начинает прожигать взгляд Глеба, будто высекает прути-ком по сгоревшей коже. Контролирует, чтобы близко к себе не прижал.

Отхожу на безопасное расстояние и выдыхаю. От Навиц-кого такое напряжение исходило, земля под ногами треска-лась.

– Я смотрю, вы по-скромному решили? В этот раз? – спра-шиваю и подмигиваю.

Навицкие забронировали стол в ресторане и пригласили близких друзей. Вот и все торжество.

– Пойду девчонок встречу. Только подъехали, – Мила об-ращается к Глебу.

Хорошо они смотрятся вместе и правда дополняют друг друга. Где-то глубоко внутри пронеслась вспышка, что хо-

чется так же. Чтобы улыбались мне искренне, чтобы рука касалась невзначай как незаменимая поддержка. Вспыхивает и тухло гаснет, прокрутившись пару раз вокруг своей оси.

Делаю два больших глотка воды и отворачиваюсь к окну.

– Ты же планировал не один быть, – интересуется Глеб и смотрит вслед своей жене, ни на градус взгляда не смещает. – Передумал?

– Планировал. Но не срослось, – веду плечами.

Хотел бы сказать, что жаль, но мне нисколько не жаль. Слишком цепкой оказалась девчонка. Возьми я ее с собой на такое событие, считай, уже примерила на себя мою фамилию и придумала имена нашим детям.

Пфф... Аж перекосило от этой мысли. Вот только не с ней.

– Ничего, сейчас с подружками Милы познакомишься. Но сближаться не советую.

Мысленно потираю ладошки.

«Так-так-так. Это интересно».

– Почему это? Прилипнут, что как кожу сдирать придется? – усмехаюсь. Сам кошусь на окно, где замечаю три фигуры. Притягивают хлеще магнита.

Такая липучка тоже была. Мамина идея. Дочь одной знакомой из ее дамского клуба. Богатая родословная, два высших образования, без вредных привычек, и ... до зубного скрежета скучная и надоедливая. Мама расстроилась, а я бежал от такой, только пятки сверкали.

– Нет. Сучки редкостные. Особенно Зоя. Черт, меня прям крутит от бешенства, когда вижу ее.

Глеб сцепил челюсти, и я правда слышу хруст зубной эмали. Стало теперь интересно, кто такая эта Зоя.

– Значит, Зоя, – повторяю я себе тише.

И тут же перевожу взгляд на Навицкого. Эта подруга его жены, кто знает, что он со мной может сделать, реши я провести с ней вечерок. Ну, или два. Пока тяжело решить.

В зал заходит Мила, а позади нее идут две девушки. Обе высокие, с длиннющими ногами. Сглатываю слюну. Женские ножки – моя слабость. Сердце перемещается чуть ниже, и слышу звон вместе глухого стука.

Они идут медленно, шаги легкие, будто и пола-то не касаются.

– Кир, знакомься, это Соня, – Мила аккуратно взмахивает рукой и указывает на брюнетку. Та мило улыбается. А в глазах вижу яркие брызги, словно бенгальские огни зажгли пачкой. Улыбка тягучая и манящая.

Киваю ей и улыбаюсь в ответ. Приятная, красивая, но пока мимо. Кто бы еще сказал, что ищу...

— А это Зоя.

Перевожу взгляд на другую девушку. Та достала телефон из малюсенькой сумочки и пишет что-то там, быстро перебирая наманикюренными пальчиками. Ни тебе тягучей улыбки, ни блеска в глазах. Ничего. Тотальный игнор. Руку даю на отсечение, не слышав, что ей говорит Мила.

Как-то подобрался даже весь. Плечи расправил и спину выпрямил.

– Зойка! – окликает ее Навицкая и извинительно кривит губы. Забирает у этой Зойки телефон и, можно сказать, силой заставляет посмотреть на меня. Дождался, называется.

Хмурюсь. Терпеть не могу такое поведение псевдокоролевы. Такие особы нервы выдергивают пинцетом. Внутри зарождается протест и горячий шар негодования.

«Зойка, значит...».

– Привет, – подает она свой голосок. Эхом заполняет черепную коробку. А там вдруг стало пусто...

В глаза смотрит долго, пристально. Заставили ведь. Меня от ее взгляда прошибает взрывной волной пренебрежения и высокомерия. Плющит и раздавливает.

– Ну, привет, – отвечаю.

Трясти начинает от бешенства. Она хоть и высокая, но ниже меня, а смотрит так, что хочется сесть на стул. Вроде как перестал иметь право смотреть на нее сверху вниз.

Глеб уходит встречать Кречетова. Я остаюсь в обществе этих балерин. Знал, что женщины в сборе те еще змеи, но сейчас я чувствую, как скользкая тварь обвивает мою шею. Слышу шипение над ухом, а зубы вот-вот вонзятся в артерию. Рукой стряхиваю фантомное шевеление по телу.

Отодвигаю стул для Зои и взглядом цепляю тонкую длинную шею и узенькую золотую цепочку с кулоном. Он исчезает в ложбинке груди, теряется. Хочется нырнуть туда к нему.

Цепко хватаюсь за спинку стула до побелевших костяшек, чтобы все-таки не коснуться ее светлой-светлой, почти молочной, кожи.

– Вино? – спрашиваю Милу. Она здесь самая нормальная.

– Пожалуй, – улыбается и бросает укоризненный взгляд на своих подруг. Слежу за их немym диалогом. Особенно за Зойкой. Та снова в телефоне.

Обхожу Навицкую с бутылкой в руках, Соню и дохожу до этой ведьмы. Наклоняюсь к ее бокалу, рубиновая жидкость должна политься из горла в высокий бокал. В этот момент Зоя убирает его и несколько капель орошают белоснежную скатерть.

Застываю с вином в руке.

Вот блядь. Виновата она, а у меня аж нервы все натянулись как веревки для белья. И мотает их от сильного ветра в разные стороны. Неприятно, надо сказать.

Напрягаюсь весь до боли в мышцах. Две минуты знакомства с ней, а наизнанку выворачивает швами наружу от раздражения. Готов стрелять огненными шарами и плеваться огнем. Какое-то необъяснимое желание чуть придушить балетную ведьму.

– Я не просила, – пищит.

Взглядом своим чиркает до глубоких ран. Дышит часто, ноздри раздуваются и белеют. Губы пухлые свои поджала, а я только и делаю, что путешествую взглядом по ее беспокойному лицу. Такие мысли заполняют голову, озвучить страш-

но.

Меня швыряет как на американских горках от одного ее ненавистного взгляда.

И мне мало. Хочется еще. Внутри карнавал из эмоций. И все такие новые и чуть странные. Как и сама эта Зойка.

– Как, говоришь, тебя зовут? – глаза прищурил и чуть нагнулся к ней. Пахнет вкусно. Втягиваю ее запах сильнее, пока все рецепторы не заполнились до отказа.

Она театрально вздыхает. Актриса ведь. Пауза наполнена ее длинным вдохом и моей нездоровой кардиограммой.

– Зоя.

И стреляет красивыми глазками в меня. Училась, что ль, этому? Под ребра заползает и обвивает их. Самая настоящая змея.

Ты будешь моей, Зоя.

Глава 2

Зоя.

Телефон в очередной раз пиликает в сумочке. Еще с прошлого сообщения жгут руки. Быстро касаюсь взглядом Милы и как профессиональный воришка под столом, открываю входящее сообщение.

Да что ж такое! Хнычу, как пигалица малолетняя. Соперница присылает фотки, где она в обнимку с любовью всей твоей жизни. Он целует Ирку и зажимает в углу. Сучка блондинистая. Так бы и повырывала ее наращенные лохмы.

Чешу ладонь усердно, стараюсь унять стойкое желание.

Р-р-р..

– Зоя! – Сонька по правую руку рычит хлеще, чем я в душе. – Убери свой телефон, пока я его не разбила.

– Да все-все, – гашу экран, выключаю звук.

Перед глазами все та фотография. Въелась намертво. Она темная и нечеткая, но я ясно видела, как Ирка прижималась к Лео, трогала его своими лапами загребущими.

Меня сжимает тисками от ревности, когда представляю их вместе.

Лео приехал к нам полгода назад. Новый режиссер. В него нельзя не влюбиться. Высокий, красивый, с озорными темными кудряшками и просто сногшибательной улыбкой. В самое сердце, в «десяточку» и навывлет. С первой попытки.

– Еще вина? – голос с легкой хрипотцой жужжит противно над левым ухом и отвлекает от зудящих мыслей.

«Как его зовут? Мила представляла... Кир, это ведь Кирилл, друг Навицкого».

Еще раз обвожу его взглядом, вкладываю такое безразличие, словно его и нет рядом. Только в клетки мои он яростно стучится.

Нет.

– Правильно, а то опять из-за тебя скатерть в пятнах будет, – говорит в шутку, и... улыбается хищно, плотоядно. Ха, думает испугать или завлечь? Три раза, ха.

Убийственно выжигаю взглядом его глаза, губы, шею, как паяльником по контуру тела прохожусь.

– Нравлюсь? – двигается ближе.

В нос ударяет запах его парфюма. Если и есть в нем что-то офигенное, так это аромат. Объем легких хочется увеличить, чтобы вдыхать его еще больше, еще сильнее.

– А должен? – говорю на выдохе.

Его глаза устремлены на мои губы. Я рефлекторно облизываю их, нежная кожа быстро высыхает. Ее покалывает от лишнего внимания. Привычного мне, но лишнего сейчас.

Кирилл странно хмыкает. В глазах темень, как в колодец смотришь. Пугает. Отвожу взгляд и переключаю свое внимание на Милку. Она с Глебом что-то рассказывает. Суть пока не улавливаю. Глупо улыбаюсь и выпиваю всю воду в бокале до последней капли, некрасиво опрокинув его.

Левую часть тела и лица ощутило печет. Гадко так, словно наждачкой шкрябают вверх-вниз.

– С тебя Кир глаз не сводит, – Соня наклоняется и шепчет как заговорщик. Еще и бровями ведет. Раздражает только.

Я привыкла к вниманию. Когда каждый клочок одежды подвергается критике, а каждая клеточка твоего тела рассматривается под мощными прожекторами. Но сейчас другое чувство. Я словно букашка под микроскопом. Неуютно дергаю плечами. Этот Кир заставляет меня неуклюже ежить-ся под его тяжелым и жгучим взглядом.

– Мне все равно, – говорю Соньке и отмахиваюсь.

Смотрю на него, думаю, если уж заметили его наглые рассматривания, должен свернуть их, найти другой объект. А он все улыбается открыто и вроде как пленительно и подмигивает.

– Врушка, – Соня шепчет тихо и на ушко. Морщусь от ее правды.

Мне не нужно его внимание. Кир мне неинтересен. Он наглый, упертый и вообще друг Навицкого. Но главное, он не Лео.

Телефон снова дает о себе знать. Вибрация перекачивается на тело и приятно пульсирует.

– Прошу прощения, – откладываю салфетку, беру сумочку и направляюсь в дамскую комнату.

Быстро-быстро теперь перебираю ногами. Зудит, как хочется открыть сообщение. Выбиваются какие-то мазохист-

ские наклонности. Ведь знаю, что там, на присланной фотографии.

Добегаю и с шумным выдохом закрываю дверь кабинки с громким щелчком. Несколько раз сбиваюсь, набирая код на телефоне.

– Да что ж такое! – ругаюсь.

На экране опять фото Лео и Ирки. Сучка. Они целуются. И это не просто чмок в щеку. Это настоящий поцелуй. Даже на этой маленькой картинке, я вижу их связанные узлом языки.

Внутри разрастается тугая субстанция, противно склеивая все жизненно важные органы. Меня кроет от ненависти к ней, перед глазами даже темнеет, и воздух становится плотным и черным как дым от костра. Он въедается во все поры и проникает в кровь.

Сжимаю телефон, и один Бог видит, как хочется от отчаяния запустить этот аппарат в стену. Только фиг мне кто новый купит. За этот-то еще кредит не выплатила.

Выхожу из кабинки и направляюсь к зеркалу. В глазах инквизиторский огонь. Готова губить все живое и невинное вокруг себя. Закусываю нервно губы, что они покрываются рапами и кровят.

Так обидно. Чем Ирка его зацепила? Искусственная и холодная мымра, вот кто она. Но хоть вой от бессилия и злости.

Выхожу, резко распахивая дверь.

– Блядь! – голос с хрипотцой эхом отбивается от стен, цеп-

ляется маленькими крючочками ко мне и тонет в пространстве. – Больно! А еще говорят девушки слабые.

Принесла, нелегкая...

Кир трет предплечье. Еще один вун. Ну вот не больно ему. Совсем. Ни капельки. По глазам вижу, по его темным, с нехорошим прищуром, глазам.

Однако застываю на месте восковой свечкой и делаю шаги к нему. Ближе и ближе, пока аромат не касается моих рецепторов, откидывая волновыми барашками.

– Извини...

– Долго ты, – еще и претензии предъявляет. На нервы действует.

А ты зачем ждал? Ваш туалет в другой стороне!

Касаюсь его предплечья, куда ударила дверь. Твердо.

– Тогда ты теперь обязана меня проводить. Я ранен... Из-за тебя, между прочим, Зоя, – вибрирует голосом до мурашек.

Руку почему-то не убираю, мышцы изучаю. Как на пластырь приклеили. А кожу покалывают неумемные микротоки.

– Так может, тебе в больницу? Капельницы, клизмы, все дела...

– А ты жестокая, Зоя...

Мы зависли на глазах друг друга. Кир странно ухмыляется, как охотник с добычей в своих лапах. А я, получается, его добыча? Ну уж нет. Отталкиваю его и делаю два шага назад.

«Что обо мне подумает Лео? Нравится он, а обжиматься

у туалета с другим готова. Эх, Зойка!».

– Ты мне не нравишься! – заявляю открыто и опускаю взгляд. Внутри творится какой-то беспредел. Бунт и революция, еще больше запутывают.

– Это пока, – хищный оскал и он движется на меня, к стене прижимает.

– Закричу! А я делаю это громко, будь уверен, – блею как овечка. Мне и страшно, и... интересно.

– Это уж так и быть мы проверим, – носом утыкается мне в шею и странно мычит. Ему словно нравится. В ступор меня вгоняет. Потому что я абсолютно не знаю, что делать. Снова оттолкнуть и бежать? Или уколоть побольнее, чтобы отстал сам?

– Что? – восклицаю и шумно вбираю в себя весь воздух вокруг нас. А он, черт возьми, весь пропитался Киrom. – У меня... у меня есть любовник, – нагло вру. И в глаза смотрю, не отвожу в сторону.

Кир прищуривается, читает по лицу. И тоже дышит часто. Мы как две спички, зажженные одновременно.

Рукой проводит под линией груди и опускается на живот. Стряхиваю. Там меня может касаться только Лео. Во время репетиции, когда его рука раз за разом трогает оголенные участки, просто на крохотные кусочки в разные стороны разбрасывает. Дыхание перехватывает, и ... я падаю. Постоянно.

– Мой любовник самый лучший, – представляю Лео, –

нежный, ласковый. Он дарит такое наслаждение, что и кричать не надо, только говорить шепотом слова любви на ушко.

Сказав это, ток по венам пускается. Да, именно так я представляю себе нашу близость с Лео. И плакать хочется от того, как сильно я этого желаю. До сломанных косточек, до сжатых вен, до остановки сердца.

Только его, только он.

Кир замер и, кажется, не дышит. Взгляд леденеет, цвет глаз меняется и бросает в ледяную реку с разбегу.

А потом снова скалится. Да так, что поджилки все трясутся, а язык присыхает к небу.

– Врешь как дышишь. Зоя!

Хлопаю ресницами.

«Бесит! Ох, как он меня раздражает!».

– Все равно не проверишь, Кир!

Вырываюсь из его захвата, подныриваю под локтем и иду в сторону зала. Потряхивать начало от такой близости мужского тела. А учитывая еще дьявольский аромат, внутри все вверх дном переворачивается, а на место встать не может.

– Зоя, к черту такого любовника, если ты не кричишь под ним! – доносится вслед. Ускоряюсь. В спину слова как шары пейнтбола летят, – Бросай, слышишь?

А я не нахожу ничего лучше, как показать ему язык и скрыться за стеной. Боже, я беспросветная дура. Его смех густым туманом опоясывает и сжимает.

Глава 3

Зоя.

Бегу в театр, опаздываю. Мой извечный косяк. Ругаюсь на себя и бегу, бегу и снова ругаюсь. В очередной раз обещаю будильник раньше заводить, или меньше времени на макияж и прическу отводить. Хотя... Лео же будет на меня смотреть!

Пожалуй, мне нужно меньше спать.

– Зоя! Тебя уже искали!

– Да тут я! – цежу сквозь зубы недовольно.

Быстро переодеваюсь. После сегодняшнего спринта можно как бы и на разминку не идти. Дыхание только перевести нужно. Горло все першит и щекочет, тело требует воды. Сползаю по стене, хватаясь за воздух.

Забегаю в зал, девчонки уже всюю приступили к разогреву. Глазами сразу ищу Ирку.

– Эй, Зойка, иди сюда.

Соня выхватывает меня за руку. Ноги заплетаются, и я чуть не падаю. Ирка в центре, посылает мне лучи «добра» и «счастья». Отвечаю тем же.

Вечером мне пришло еще одно сообщение. На этот раз текст. «Он классно целуется». Перед глазами заискрила сварочная стружка, глазные яблоки жжет. Ненависть и ревность скрутили по рукам и ногам. И вздоха невозможно сделать.

– Ты вчера так сбежала со свадьбы. Не стыдно? – шепчет

в наклоне Соня. Раздражает.

– Ни капельки. Не смогла уже находиться за одним столом с ним, – снова наклон, и теперь шепчу я.

– Только потому, что он друг Навицкого? – щекочет нервы своими вопросами.

Ирка разминается усерднее. Как бы чего не вывихнула себе и не растянула. Хотя пусть. Ее партию тогда буду танцевать я. И с Лео буду рядом. Будем касаться друг друга и дыхание ловить.

«Ой, мамочки, я уже поплыла только от одной этой мысли».

– Он мне просто не понравился. Его интерес вчера был навязчивым и лишним, Соня, – чуть громче говорю, внимание привлекаю. И Иркино в том числе. Маленькие сплетницы.

– Хм... а по-моему, он офигенный.

«Как же, офигенный...».

А в нос странным образом ударяет волна его парфюма, даже покрутилась вокруг себя. Это же невозможно, чтобы Кир оказался в репетиционном зале. Он и на балете-то ни разу не был. Гонщик этот.

Разминка занимает час, потом следует репетиция. Я взглядом стараюсь ухватить Лео. Вот он зашел в зал, что-то говорит девчонкам из кордебалета, улыбается им, что хочется оказаться на их месте.

– Зоя, – Лео говорит немного с акцентом, который понра-

вился мне с первого произнесенного им слова.

Лео проходит так близко, стоит чуть подать руку в сторону и коснусь его. Уф, мурашки крупными ручьями устремились по коже, дёргаюсь.

– Давай попробуем сегодня вместе порепетировать? – обращается ко мне.

Я забыла, как говорить. Уставилась на него, как на божество, сошедшее на грешную землю.

– К-конечно, – улыбка дурацкая. У Ирки лучше получается. Каждый ее вдох легким флиртом пропитан.

Отходим в центр и начинаем двигаться. Тело внезапно становится деревянным и неподвижным. Не слушается.

Внутри происходит что-то невообразимое. Как с цепи все сорвалось в диком скачке, не успокоить и не усмирить.

– Зоя, расслабься.

На нас смотрит половина труппы, в том числе и Ирка. Оглядываю всю эту толпу. Кто-то репетирует свои партии, кто-то продолжает разминку, а кто-то каждую мою клеточку обсуждает.

– Лео, – говорю с придыханием. Трясет сильно, будто головой на мороз вышла. – Не получается, – и зуб на зуб не попадает.

Со стороны всегда кажется, что это просто – находиться рядом с тем, кого любишь. Но это ни фигя непросто. Твое тело перестает слушаться, предает тебя. Кровь бурлит, а мозги в кашу. И Боже, как это состояние бесит.

Вот он мой шанс, показать, как Лео мне нравится, обратить на себя внимание. А я как дурочка млею. Танец – тотальный провал. Одно разочарование.

Тьфу.

– Зоя, ты так хорошо на репетиции свою партию танцевала. А сейчас, что с тобой случилось?

О, этот акцент. Хочется слушать его речь и слушать. Кажется, что по коже проворные букашки крадутся и перекапываются.

– Вот смотри, я кладу свою руку тебе под грудь, ты опираешься на нее. Не боишься. И прогибаешься.

Он касается моих ребер – они трескаются – ведет вниз, другой рукой слегка надавливает на грудной отдел позвоночника. Я прогибаюсь. Господи, я готова выучить все твои молитвы, только бы он не убирал свои руки. Такие теплые, даже горячие.

– Вот, правильно. Молодец!

Он хвалит. Лео меня хвалит! Хоть в обморок падай счастья.

Из дальнего угла Ирка высекает меня взглядом. Печет невообразимо все участки тела. И те, что скрыты, и голые. Хлещет прутиком. Но, я, получается, склонна к мазохизму, мне ведь нравится ловить ее выпады.

Поворачиваюсь в ее сторону и подмигиваю.

Так тебе, получай. Душа хочет кричать, чтобы Ирка подавилась своей ревностью. Пусть поймет, что я чувствовала.

ла вчера, когда смотрела на отправленные ею фотографии. Увеличивала, вглядывалась и по кусочкам себя разбирала.

– Умничка, – Лео целует меня в щеку после отрепетированной партии. Он касается моей щеки, и бедная девочка Зоя расплавилась как пластик в открытом огне.

– Тебе понравилось? Правда?

Кивает.

– Будешь танцевать во втором составе. Мне нравится твоя гибкость, твои развороты. Замечательный арабеск. Засмотрелся, Зоя! Только надо убирать твою зажатость, – снова проводит по телу рукой.

«Да что же он со мной творит!».

После выступления выходим с Соней вместе. Уставшие, но довольные. Вечер поздний. Обычно мы прогуливаемся до площади, спускаемся в метро, и каждый едет в свою сторону.

– Зоя, смотри, – Соня толкает локтем и попадает между ребер. Ощутимо. Я успела поморщиться.

– Это ты все? – зло смиряю ее взглядом.

– Ну а что? Кир просто попросил ему немного помочь...

– А если попросит помочь тебя еще что-то для него сделать? Добрая душа, блин.

Кирилл стоит около своей машины. Красивая такая. С хищными фарами и аэрографией. Не пойму только, что нарисовано. Какая-то абстракция странная.

Он одет в рваные джинсы и белую майку, от которой даже глаза зарезало. Такое различие со вчерашним образом, где

он был в черном костюме и белой рубашке.

– Идем? – обращаюсь к Соне.

Я обвела образ Кира взглядом и направилась в противоположную сторону. Я не просила его приезжать и встречать меня. И вообще, задержалась сегодня после спектакля в надежде дождаться Лео. В голове выстроила план, где он предлагает подвезти меня до дома.

Не срослось. Ирка перехватила. Сучка.

– Он к тебе, Зоя, – Соня стоит на месте. Ее ноги как столбы, вбиты в твердую землю.

Снова кидаюсь на его образ. Выглядит... симпатично, даже привлекательно. И аромат его доносится против всех законов физики.

– И что с того? Мне в другую сторону.

«К Лео», – чуть не кричу.

– Ты знаешь, вчера вечером, он замучил Милу, выясняя, что ты любишь, какие цветы твои любимые, фильмы, музыка. Все-все о тебе хотел узнать.

Торможу на месте. Блин, это трогает. Приятно как-то...

– И вы все обо мне растрепали, да? Подружки?

Наблюдаю за Киrom. Открыл заднюю дверцу своего хищника и вытаскивает оттуда необъятный букет моих любимых пионов. Боже, мне пищать охота. Даже на расстоянии цветы выглядят шикарными, и... до безумия дорогими.

– Я пойду, – слышу шепот Соньки. И затем тихие-тихие шаги. Бросила меня, оставила одну.

Между мной и Киром пару метров. Взгляд перемещается то на него, то на букет. Станный он, друг Навицкого.

– Привет, – уверенно здоровается. Конечно же, без акцента. Упущение.

– Привет, – отворачиваюсь.

– Вот, тебе, – протягивает букет.

Меня окутывает цветочным облаком. Даже глаза хочется закатить от удовольствия. Ммм, пионы, моя слабость.

– Спасибо. Но я не очень люблю пионы, – и зорко впииваюсь в его глаза. Что ты на это мне ответишь, Кир?

Он обезоружен. Мается и взгляды в сторону Соньки бросает, а ее-то уже и нет. Ну что, посыпался?

– Ну и ладно. Все равно букет со скидкой купил.

– Что? Ловлю глотки воздуха ртом от наступающей злости.

– И зачем ты обо мне вчера все расспрашивал? – носом утыкаюсь в букет. Кир улыбается. А мне нравится этот ничего не значащий разговор. Он будто на грани флирта, который я вправе не поддержать. Или поддержать... еще не решила. Меня же это ни к чему не обязывает.

– Можно подумать, ты сама все о себе расскажешь, Зоя! – наклоняется ко мне очень близко и имя мое шепчет на ухо. Из колеи выбивает.

– И не подумаю!

– Хм, просто не будет, да? – обращается ко мне. Я лишь жму плечами. Мне начинает нравиться его подкалывать. –

Ладно, садись, – подходим к машине, и Кир открывает мне переднюю пассажирскую дверь.

Смотрю на нее, думаю...

– Спасибо, но нет.

– Не понял.

– Я с тобой никуда не поеду.

– Почему? Боишься?

Думай, Зойка, думай. Хочу словить еще одну эмоцию и вкусно ее проглотить. Как десерт.

– У меня свидание.

Разворачиваюсь и ухожу.

Хочу услышать быстрые шаги позади себя, какие-то ругательства. И руки на талии, сжимающие до легкой боли и отрывающие меня от земли.

– Тогда удачи.

Кир садится в машину и отъезжает. Он. Меня. Уделал.

– Только прошу, букет мой никуда не выкидывай. Пусть твой любовник знает, какие цветы надо дарить своей женщине, окей?

Выжимает газ и с визгом выезжает.

Глава 4

Зоя.

Дорога до одного загородного дома заняла больше часа. Кто бы знал, как я ненавижу машины, пробки и постоянный запах бензина и выхлопных газов. Тошнит! И в прямом и переносном смысле.

– Будешь водичку, Зойка? – спрашивает Анька.

Я с ней познакомилась около полугода назад на одном конкурсе. С тех пор нет да нет, но она вытаскивает меня на подработки. Часто вот такие вот закрытые мероприятия: благотворительный вечер, день рождения очередного важного человека, открытие фонда и все в таком духе. Мы танцуем какое-нибудь варьете или вариации из классики. Бывает и современный танец.

– Не помешает, – выхватываю бутылку и жадно пью.

Струйки скатываются из уголков губ, пачкая новую футболку. А я все пью и пью. Кажется, в эту жару невозможно напиться. Время шестой час, а солнце шпарит ядрено. Меня будто в пекле полощут.

– Вот засада, – отряхиваю.

Но на ярко-розовой ткани уже темные ручейки.

– Жара!

«А то я не чувствую», – вопит голос у меня внутри. Но я только откидываюсь на спинку сидения. Сил ведь нет. Если

к вечеру температура не спадет, не представляю, как танцевать-то.

До конечной точки доезжаем за полчаса до начала нашего выступления. Организатор сего мероприятия чуть кожу нашу взглядом не содрал. Так он, точнее, она, был зол. Ну, сорри, как говорится. Была б моя воля, вообще бы не приехала. Но деньги платят хорошие за несколько минут выступления.

– Сегодня она какая-то взволнованная, – шепчу Аньке.

Так-то это организаторша нормальная. Деньги выплачивает хорошие, ничего в карман себе не откладывает. Да и сами вечера более, чем достойные. Ни пьяного сброда, ни противных и жирных старичков-папиков. Брр... аж в груди закололо.

– Сегодня какой-то важный прием одной дамочки. Говорят, она с мужем переехала из Питера в Москву. Из-за сына. Тот уже несколько лет, как покинул их дворец под Гатчиной и свинтил в столицу.

Потираю ладошки. Вот что мне еще нравится на таких вечерах, так это сплетни про богатеев. Ну а что? У меня жизнь скучна, так хоть в чужую нырнуть.

– Да ладно? Это такой прием в честь переезда? Крутяк!

Окидываю взглядом сад размером с футбольное поле, через который нас проводят, входная дверь – черный выход. Да чтоб у меня дома такая стояла! Потом коридоры, комнаты, столовая. И это только гостевой домик.

Вот... почему некоторым достается все это великолепиие с

рождения, а кто-то телефон в кредит берет? Почему так все несправедливо? Топнуть ногой хочется и по-детски надуть губки.

– Ты чего застыла, Зойка? Нас живьем сейчас съедят! – Анька психует.

На самом деле нас не штрафовали ни разу, потому что мы девушки дисциплинированные и ответственные. Но такая статья есть. Нас могут оштрафовать. А так как приехала я сюда из-за денег и только, то ноги в руки, Зойка, и бегом за Анькой. Потом погуглю и фотки с вечера посмотрю.

Нас ведут в большую комнату. Наверняка у нее есть неординарное название. Типа чайной или приемной. Фиг этих богатых разберешь. Но мне здесь нравится. Уютненько.

– Вот скажи мне, Анька. Почему у этих богатых такие причуды, а? Взять этот дом. Здесь точно живет их прислуга, повар, дворецкий там. Уверена, и такой здесь имеется. А это, блин, дом по метражу больше моей съемной квартирки раз в десять, может, и больше.

– Да не знаю я, Зойка. – Спешно натягивает белые колготки, – кто-то вот в этом во всем родился, затем его женили или выдали замуж за такого же. У этих людей свой род и свое племя получается. Живут они своей группой и живут. Ну, множится их богатство и множится. Мне до них нет никакого дела.

– А мы беднеем и беднеем. Ты это хочешь сказать? Лучше молчи тогда!

– Нет. То, что богато и изысканно для нас, обычно для них. Но и то, что имеем мы, может быть роскошью для кого-то.

Смотрю вопросительно на Аньку. Она завязывает ленты на пуантах с таким непринужденным видом, будто находится в репетиционном зале, а не в роскошном доме, где даже в воздухе витает не пыль, а золотая пыльца. И так тошно на душе стало. Прямо в морской узел завязаться хочется.

Уселась в широкое кресло. Сейчас бы охлаждающий коктейль с ярким зонтиком, а не тесная пачка и натянутая улыбка. Устала... Жара еще эта...

– Девочки, готовы? Через пару минут свое выступление заканчивает пара танцоров, и выходите вы.

Мы снова пересекаем сад. С другой стороны дома большая лужайка с беседками. Там все торжество и проходит. Все в красивых вечерних платьях, шикарными прическами. А мужчины в костюмах.

– Готовы?

Сцена освобождается. Ведущий вечера представляет нас, и мы слышим редкие хлопки.

В груди поселяется объемное чувство, которому нет название. Оно раздувается словно воздушный шарик больше и больше. Только никак не может лопнуть. Давно я его не испытывала. Смесь какой-то тревоги, волнения и опасности. Ноги сводит. А они мне сейчас очень нужны, причем послушные.

Мы с Анькой поднимаемся по ступеням на сцену. Воздух стал горячее, чем был в полдень. Будто в пустыню переместились, где даже легкого ветерка нет.

– Эй, ты чего? – Анька чувствует мое напряжение.

Несколько сотен пар глаз устремлены на нас. Господи, меня сейчас правда стошнит от такого внимания. Какой-то препарируемой лягушкой себя чувствую.

– Все... все хорошо, Ань, – дышу часто. В легкие обжигающий песок попадает и заполняет все альвеолы внутри, вены, артерии, бронхи. Неприятно и болезненно.

– Тогда соберись. Нам Леманны не за красивые глазки деньги платят.

– А за тела, – сорвалось у меня с языка.

– Да ну тебя, – прыскает.

Слышу легкие покашливания и цыканья в нашу сторону. Конечно, они должны смотреть балет, а не скованные движения двух девчонок.

Начинаем танцевать синхронно. Вариация из «Конька-Горбунка», что когда-то давно мы с Милой так и не станцевали. Разругались.

С каждым движением стараюсь избавиться от того напряжения, что взяло меня в плен. Сложно. Эти взгляды в нашу сторону хлеще выступления перед экзаменационной комиссией. Да перед первым моим спектаклем я не чувствовала себя так!

Я превратилась в статуэтку с блошиного рынка. Вроде

красивая, утонченная, но продает ее дряхлая старушка. Стащила эту совсем неценную статуэтку из соседней квартиры, когда соседка померла и за пару центов впаривает наивному немцу.

Глазами цепляюсь за одну пару, за другую. Все сливается и плывет, как по волнам катаюсь.

– Если зритель будет недоволен, я больше тебя с собой не возьму, поняла, – шепчет Анька, как только мы оказываемся с ней рядом.

А я и ответить не могу. Язык свой длинный прикусила и проглотила.

– И деньги за выступление будешь мне должна, – улыбаются и сквозь зубы проговаривает.

Да что ты молчишь, Зойка? Ответь ей!

Последний раз обвожу наш импровизированный зал взглядом и натываюсь на прошибающие глаза одного из гостей. Или он не гость здесь? Черт меня дернул посмотреть влево, в самый край, и задержаться на какие-то доли секунды. Все рушится словно пирамидка.

Его фигуру я узнала сразу. На красивом лице натягивается наглая ухмылка, схожая с оскалом. Кажется, его клыки даже стали острее. Брови взлетели вверх, а голову склонил набок. Оценивает.

Сквозь сердце прошла ядовитая стрела навывлет. Меня и правда прострелило. Осталось только вскрикнуть.

Это типа смешно? Что он здесь делает?

Кирилл облокотился на высокий столик и внаглую рассматривает меня. Сантиметр за сантиметром поднимает свой взгляд по моему телу.

Путь этот жжется, в кожу впитывается.

И, конечно же, мое выступление заканчивается падением. Такого позора еще не было. Это все Кир. Он меня своим взглядом и толкнул. В теле дрожь, на коже крупные и мерзкие мурашки, а в душе складывается домиком обида. И негодование.

Перекидываю взгляд на Кирилла. Стоит как ни в чем не бывало, пальцами захватывает со стола канапешку с красной икрой, отправляет ее в рот и начинает активно жевать. Челюсть не вывихнул бы, зараза такая. А потом подмигивает, как сигнал посылает.

Прелестно, просто прелестно.

Глава 5

Зоя.

Когда на сцене во время спектакля с артистом что-то случается, то же падение, его задача быстро собраться, взять себя в руки и продолжить танцевать свою партию. Проще говоря, сделать вид, что ничего страшного-то и не произошло. Ну, упал и упал.

Я же разлеглась белым лебедем и вперилась в одну точку. Она в шикарном черном костюме, белой рубашке с запонками и взлохмаченными от ветра темными волосами. В легкой небрежности что-то все-таки есть манящее и притягивающее.

Только сил нет, как бесит!

– Ты с ума сошла, Зойка! – Анька начинает тихо кричать мне на ухо. Это неприятно. – А ну вставай! Все, точно, за выступление нам денег не видать. Леманны те еще перфекционисты и снобы. Такой провал, да на их вечере!

Уходим со сцены в крошечной тишине. Вот черт, как же стыдно. И перед зрителями, и перед этими Леманнами (как хоть они выглядят?).

Анькину злость я ощущаю всей кожей. Вон как за предплечье схватила и тянет вперед. Того и гляди руку мне вывернет и ни капельки не пожалует.

– Ну? И что это было? – строго спрашивает.

Мы заходим в ту комнату, где и переодевались. Здесь уже накрыт небольшой стол с закусками и горячим. Из чашек дымится ароматный кофе. В животе зазывно заурчало, привлекая внимание. Ненавижу такую подставу от своего желудка. Предатель!

– Упала я. Не видела? – обиженно говорю. Накинулась на меня, будто сама такая безупречная. Ага, как же!

– Видела! Еще как! Просила ведь тебя собраться. Теперь все наше выступление, вся эта долгая дорога – все коту под хвост. Не заплатят нам. И все из-за тебя, Зоя!

Опускаю взгляд. Неудобно вышло, согласна. Мне ведь деньги нужны не меньше, чем ей. И не появись здесь этот Кирилл, все было бы по-другому.

– Прости. Это вообще первое мое падение. Я... тоже несколько в шоке. Извини... – повторяю. Вину свою чувствую и не отрицаю. От этого не менее тошно.

Мы подходим к накрытому столу и садимся друг напротив друга. В полном молчании, а может и игноре. Уверена, это мое последнее совместное выступление с Анькой. Больше она не пригласит. Это значит, искать мне подработку в другом месте.

Аппетит вроде как есть, но только вилкой ковыряю в тарелке. Заполнить пустоту и тишину хочется, а нечем. Слов нет.

Снова извиняться? Ну уж нет. С таким же успехом и сама Анька могла зацепиться за выступ и грохнуться.

Каждый косится на часы. Прошло уже около часа после нашего выступления. Нет ни организатора, ни хозяйки вечера. Это значит, что нам точно уже не заплатят. И хочется заплакать. Зажмуриваю глаза, сдерживаю слезы.

Просто я не люблю плакать.

– Девушки, добрый вечер, – мужской голос заставляет вздрогнуть.

Он неприятно пробирается под ткань костюма, под кожу и предательски холодит. Хочется пятиться назад, укрываться и прятаться. Настолько он неприятный.

– Добрый вечер, – Анька реагирует первой. Владелец низкого голоса ей тоже не нравится. По сторонам оглядывается в поисках поддержки, которой и нет вовсе.

Парень лет двадцати пяти, не больше. Одет в шикарный костюм, как и все гости. Улыбается только странно. Не хочется ему отвечать улыбкой в ответ. Противное состояние внутри. Будто сладкого переела, внутри все горит и щиплет, а живот и желудок скручивает от ударной дозы сахара.

– Видел вас на сцене. Не оставили вы меня равнодушным. А я, признаться, не очень люблю такое искусство.

– Такое это какое? – Анька зачем-то решила вступить с ним в диалог. А мне хочется схватить свой рюкзак и уносить ноги.

– Классическое. Я больше про выход за рамки, – подмигивает нам обеим и показывает свои зубы. Два передних резца чуть выдвинуты некрасиво вперед. – Немного разнообразия

не помешает. Да, малышки?

Он смотрит ровно на меня. Так, что сердце все болезненно скрючивается от страха. Волоски по всему телу встают дыбом и от моего частого дыхания шевелятся.

– Тебя как зовут? – обращается ко мне. Во рту сухо, слова невозможно произнести. Кажется, и гул какой-то в ушах. Комната начинает вращаться вокруг меня со скрипящим звуком.

– Ух-ходите, пожалуйста, – звучит так жалко, что он вот-вот рассмеется мне в лицо.

– Ну-ну, так быстро? Я рассчитывал на некую беседу там, общение.

Парень поднимается с кресла и идет в мою сторону. Перестаю дышать. Все безусловные рефлексy дают сбой. Тело резко забывает, как это – дышать?

– Боишься меня, да? Не бойся.

Сам настолько приблизился, что я чувствую тяжесть его тела, пригвождает меня к земле только своей силой. Маленьким испуганным зверьком себя чувствую. Мой взгляд, уверена, мечется, а слезы предательски скатываются.

Анька быстро забрала свой рюкзак, вещи и только и слышу, как хлопнула дверь. Она меня бросила, сучка. Оставила один на один с этим неандертальцем и тупо сбежала.

Разозлиться бы на нее. Но, знаю, сама поступила бы так же. Инстинкт самосохранения он ведь такой. В первую очередь думаешь о себе.

– Так как зовут тебя, красивая?

Отрицательно машу головой и неаккуратно слезы размазываю. Перед глазами все плывет, а я тону в своем страхе. В голове мысли только о том, что будет дальше. Хочу их стряхнуть, но не получается. Его руки, касающиеся моих плеч, волос, лица – все говорит о том, что это только начало. Он не уйдет, а я не убегу. Меня не придут спасать, кричать бесполезно.

Прикрываю глаза, чтобы мысленно вести счет. Приготовилась терпеть. А он отскакивает от меня с воплем и отлетает куда-то в стену. Я от этого резкого движения сама падаю назад, зацепив какую-то вазу.

Твою ж мать. Надеюсь, это стекло, купленное по акции.

– Ты охренел, Петюнечка? Тебе показать, как с девушками общаться надо? В твоём пансионе в Шотландии не научили, что ль? Так я покажу.

Удар! Еще удар. Моего обидчика кто-то бьет, а я... зажмурилась и отвернулась.

– Да все, все. Понял. Перестань уже, Кир! Больно, черт. Но следует последний удар и крик.

Приоткрываю один глаз, и открывшаяся картинка странно греет душу. Она неправильная, даже опасная, а мне так нравится.

Кир будто с катушек слетел: рубашка порвана, волосы взлохмачены еще больше, плечи так высоко поднимаются, что, кажется, он в легкие быстро и резко весь воздух закачи-

вает ОДНИМ ВДОХОМ.

Глава 6

Зоя.

– Ты мне нос сломал, ублюдок! – голос этого Петюнечки уже не кажется мне холодным и противным. Только писклявым. – Жди ответку, Леманн. Матери расскажу.

– Ты еще больший дебил, чем я думал. Маме он расскажет... Ты еще захныч. Помнишь, как ты с дерева упал в десять лет и в слезах жаловаться матери побежал? «Мама, Мама, меня Кирилл толкнул». Тьфу!

Он говорит это все быстро, но с выражением. Нагнулся к сторбленному Петечке и сам вставать не спешит. А я хочу, чтобы уже отошел от него и обратил внимание на меня. Кого защищал-то? Или кулаками просто пришел помахать?

– Давай, Петька, извиняйся, – устало говорит и бросает на меня взгляд. Он такой темный, еще злостью отливает за слиток золотой.

– Да пошел ты, – толкает Кирилла, и... убегает.

Смотрится смешно, я даже прыскаю от смеха. Страх ушел и больше не возвращается. Комната вернулась на место, голова уже не кружится. Дышу свободно и чувствую туалетную воду моего спасителя.

Эх, Зоя, друг Навицкого стал уже для тебя не просто Кириллом, сокращенно Киром, а «спасителем». Треснуть бы тебе за то, что размякла как сыр на солнце.

Мы оба смотрим на дверь, которая открыта настежь. Мне резко становится неуютно в одном помещении с Кириллом. Знаю, спас, но от него я тоже не знаю, чего ожидать. А учитывая его настойчивость, так вовсе паутиной рядом с ним обрастаю.

– Извини его, – начинает первый.

Мне вдруг начинает казаться, что сейчас он стал другим. Пропала настырность, вседозволенность. Игра, в конце концов. Передо мной не мажор, которому можно все, а обычный парень, который поступил благородно.

– Он бы ничего не сделал, поверь мне, – снова говорит быстро, словно не успевает, – всю жизнь на пару минут его смелости хватало. А так, ткни палкой и заплачет, мамочке жаловаться побежит. Я не уверен вообще, что он знает, как обращаться с... – отсекается. Думает, как бы помягче все обставить, – прекрасным полом и доставить удовольствие.

Закатываю глаза и так приятно от этих слов. То, как он красиво их подобрал. Удовольствие, прекрасный пол...

Ты ли это, Кир?

– Ну, когда тебя зажимает такая детина, это не кажется безобидным и безопасным.

– Хм, согласен. Еще раз прости. Это, если что, я за него прошу.

Киваю. Когда он кажется таким простым, с ним и разговаривать проще. Возможно, мы даже смогли бы подружиться.

– Ты правда за меня испугался? Как ты вообще оказался

здесь?

– Увидел, что Петька к вам пошел, за ним отправился. Знаю ведь, что дурной.

– То есть, ты пошел проследить за ним, а не найти меня? Как-то неприятненько стало. То с цветами у театра встречается, то не спешит увидеться. Подобралась вся, резко встаю и направляюсь к кучке своей одежды. Она упала и теперь моя новая красивая футболка смята.

Кир молча следит за моими движениями. Я замечаю привычную наглую улыбку и острые клыки. Меня это завораживает и раздражает одновременно. Хочется сказать, чтобы уходил и не возвращался и в то же время, чтобы остался и снова что-то мне рассказал. Я любопытная до чужих секретов и историй.

– Выйди. Мне надо переодеться, – отворачиваюсь и начинаю медленно развязывать юбку.

– А если я не хочу?

Он уселся в кресло. Ровно на то место, где сидел Петечка. Наблюдаю за сменой его настроения. И вообще, снова наглый Кир ворвался и раздражает все мои рецепторы.

Только страха перед ним нет. Где-то в глубине души я уверена, он никогда меня не обидит.

Устало опускаюсь на кресло рядом с ним. Выдохлась.

– Что ты от меня ждешь, Кирилл Леманн?

Да-да. Кирилл Леманн. Мажор, сын хозяев, которые так и не заплатили за выступление, до ужаса богатые, интелли-

гентные, с родословной, в которой одни царские советники и министры.

– Я требую всего три свидания, – говорит уверенно и несколько расслабленно.

– Требую? – мои нервы подожгли как фитиль свечи.

– Ну, прошу, – разводит руки в стороны. В глазах нездоровый огонёк, его искры не обжигают, а жалят. – Я тебя спас, между прочим. Хотелось благодарности, как бы...

– Ты мне не нравишься, Кир!

– Не проблема. Исправлю.

Разглядываю его пристально, будто в первый раз вижу. В груди сдавливает неумное чувство какой-то обиды, смешанной с удовольствием. Безумная смесь получается так-то.

– Хорошо, – тихо отвечаю. Сама еще не понимаю, на что подписалась. В моих планах было завоевание Лео, а тут свидания не просто с другом Навицкого, с самим сыном Леманнов.

Кир улыбается так, что у меня ноги подгибаются. Ох, тепло как обруч раскручивается по телу. В его глазах пылает азарт, радость и, черт возьми, победа.

Глупо улыбаюсь ему в ответ. Потому что сдерживаться – сил больше нет.

– Тогда я позвоню? – пятится назад, сшибает еще какую-то вазу или что это. Она падает с громом, разбивается. Кир матерится и снова извиняется. Таким милым кажется, улыбку еще больше растягивает на моем лице.

– Ты мой номер не знаешь.

– Пфф! Знаю!

– Я тебе его не давала, – с укоризной смотрю сквозь нисходящую улыбку.

Он пожимает плечами. Снова идет спиной вперед, мало видно ему одной разбитой вазы. Взгляд тянется от меня все дальше и дальше, а теньше не становится.

– Зойка, такси тебя за воротами ждет. Отвез бы сам, но я бокал шампанского опрокинул.

– Спасибо, – отвечаю ошарашено. Кажется, зря я согласилась на эти долбанные свидания. Еще одна такая забота с его стороны и я на пути к влюбленности. Вот черт. В такого как Леманн влюбляться точно нельзя.

Можно забрать свои слова обратно?

– А, еще. Любовнику своему привет передавай.

Глава 7

Кирилл.

Выхожу из гостевого дома. В голове такая хуеверть пока происходит, пока сам не могу еще разобраться.

Я пошел за Петечкой, зная, что он может натворить дичь. Всю жизнь таким был, сколько его помню. Наши мамы двоюродные сестры, поэтому знаю я этого ушлепка с самого его рождения.

Поначалу неплохо дружили. Делить нам было нечего, всего было завались у каждого. А потом в нем то ли зависть проснулась, то ли обида. У меня получалось все лучше, чем у него: учеба, спорт. Тут еще и родители его сыграли не последнюю роль.

«Посмотри, как у Кирилла», «Бери пример с брата», «Если бы делал так, как Леманн, вышло бы лучше и правильнее».

Поэтому его неприязнь ко мне вполне имеет под собой почву. Ну и, что уж, иногда ее подпитывал. Сам не знал за чем. Просто в какой-то момент мне это понравилось. Видеть его реакцию, как он розовеет от бешенства, а ноздри белеют до синего отлива. Нравилось, черт.

Пока не вырос.

Последний раз мы виделись с ним года четыре назад. Мать юбилей справляла. Не мог не приехать. В Питере они еще с

отцом жили. Мы не обмолвились с Петечкой ни словом. Я лишь кивнул в знак приветствия, а он отвернулся.

Оборачиваюсь на дверь, за которой оставил Зойку и подебильному улыбаться начал. Не думал, честно говоря, что согласится на эти три свидания. В голове еще несколько вариантов имел, как заставить ее согласиться. Упертая ведь, сучка.

Ну, а там легкая романтика, привычное соблазнение. И моя. Моя будет. Ух, руки чешутся приступить к задуманному.

– Кирилл, – голос матери как всегда мягкий, привычный.

Она стоит на углу гостевого домика. Ждет. Слышала, что происходит за дверью? Видела? Снова раздражение какое-то по всем внутренностям пробегается. Потому что сколько себя помню, не было ни одного дела, куда бы она не совала свой идеально сделанный носик.

Я маму люблю. Очень. Но в какой-то момент она стала забывать, что я вырос. И все, что мне нужно от нее получать, это безусловная любовь и поддержка.

– Мама? Я думала ты не оставляешь своих гостей одних?

Иду не останавливаясь. Мне важно увести маму от домика, где вот-вот должна выйти Зоя. Вопросов ведь потом не оберешься, замучаешься отмахиваться.

– Ты так быстро умчался за Петром. Что у вас произошло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.